

*Посвящается моей семье, которая является
для меня неистощаемым источником
вдохновения и любви, а также друзьям,
которых я часто описываю в своих книгах —
под вымышленными именами, конечно,
ибо не все они — невинные агнцы...*

1

Особняк в Пасадене был великолепен. Большой, внушительный, он был обнесен высокой оградой с глухими металлическими воротами. Выстроенный в респектабельном колониальном стиле, он нисколько не был вульгарным; напротив, от него так и веяло солидностью и деньгами — большими деньгами.

В особняке обитали миссис Пенелопа Уитфилд-Симмонс и ее сын Генри. Пенелопа была вдовой могущественного газетного магната Логана Уитфилд-Симмонса — иммигранта-шотландца, который приехал в Америку без гроша за душой и сумел за несколько десятилетий сколотить огромное состояние. Ему было семьдесят два, когда он скорострительно скончался от обширного инфаркта, отправившись на рыбалку со своим единственным сыном и наследником.

Генри было двадцать два, когда умер отец. Сейчас ему уже исполнилось тридцать, но он по-прежнему жил с матерью в их пасаденском особняке. Да Пенелопа и не отпустила бы его никуда. Она хотела, чтобы сын и дальше жил с нею, а она давала бы ему все, что он пожелает, — за исключением денег, необходимых для начала самостоятельной жизни. Генри был единственным наследником своего отца, но в завещании имелась оговорка, согласно которой он получал доступ к капиталу только после смерти матери, а Пенелопа, несмотря на свои семьдесят с лишним, была вполне здорова и умирать не собиралась.

Генри Уитфилд-Симмонс с детства жил в праздности. Ни цели в жизни и никаких особенных устремлений у него не было. Несколько лет назад, когда он только что закончил колледж, Генри вдруг решил, что неплохо было бы стать киноактером, но его родителей подобное решение повергло в ужас. «Кино — для гомиков! — заявил отец. — А в моей семье гомиков не было и не бу-

дет. Кроме того, когда меня не станет, тебе придется возглавить мой бизнес!»

Получив столь суровую отповедь, Генри воззвал к матери, но та только неодобрительно покачала головой. «Ты должен слушать, что говорит тебе отец, — сказала она тогда. — Всем известно: те, кто имеет отношение к кино, либо наркоманы, либо извращенцы или сексуальные маньяки. Тебе с такими не по пути, дорогуша».

«Ха! — подумал Генри. — Ты-то откуда знаешь?»

Не сказав родителям ни слова, Генри попытался осуществить свою мечту. Втайне от отца с матерью он поступил на курсы актерского мастерства, нашел агента и даже несколько раз побывал на съемочной площадке. Однажды на курсах один из парней вскользь упомянул о том, что знаменитый режиссер Алекс Вудс, обладатель нескольких «Оскаров», ищет исполнителя на главную роль в своем новом фильме «Обольщение». Предполагалось, что партнершей главного героя станет не менее знаменитая Винес — Венера Мария Сьерра.

Генри заволновался. В тот же день он принялся собирать информацию, касающуюся будущего фильма. Ему даже удалось подкупить помощника своего агента, чтобы тот достал копию сценария. Сценарий Генри изучал с рвением неопита, заучивая наизусть реплики главного героя и отрабатывая с зеркалом диалоги и жесты. Когда Генри показалось, что он достаточно готов к этой роли, он связался с агентом и попросил записать его на прослушивание.

Агент посмотрел на него, как на больного, и сказал, что это невозможно. Актер без опыта может даже не надеяться пробиться на прослушивание к Алексу — да еще на главную роль!

Но Генри всегда принадлежал к миру, где деньги и положение решали все. И он с раннего детства знал, что в этом мире нет такого слова — «невозможно». Генри предпринял кое-какие действия и сумел попасть на прослушивание. Когда он приехал на студию, то обнаружил, что в комнате перед кабинетом режиссера собралось еще полтора десятка молодых актеров. Критически оглядывая каждого, Генри кривился. Некоторые из них действительно выглядели неплохо, но он не сомневался, что затмит их всех.

Девушка азиатской наружности, сидевшая за секретарским

столиком, вручила ему несколько распечатанных на принтере страниц и объяснила, что эту сцену он должен будет прочесть во время прослушивания. Генри взял бумаги, хотя они были ему не нужны — роль он знал наизусть.

Опустившись на диван, он от волнения возил ногами по полу и пытался представить свое ближайшее будущее. Разумеется, он получит эту роль. Родители?.. Генри был убежден, что, когда он расскажет им о своем успехе, они ничего не смогут поделать. Он, Генри Уитфилд-Симмонс, *станет мегазвездой* даже без их благословения.

Увы, его дерзким мечтам не суждено было осуществиться.

Почему?

Из-за одной женщины.

Звали женщину Лаки Сантанджело.

2

«Умри, красотка!»

Эти два слова были нацарапаны внутри открытки-приглашения из плотной дорогой светло-бежевой бумаги, которую Лаки только что взяла в руки. Открытка пришла не по почте — кто-то бросил ее в почтовый ящик в самом начале подъездной аллеи дома в Бель-Эйр. Филипп, управляющий в доме Лаки, обнаружил открытку в ящике и принес хозяйке.

«Умри, красотка...» Всего два слова. Ни подписи, ни обратного адреса...

Быть может, это все-таки приглашение на какое-то светское мероприятие — приглашение слишком загадочное, чтобы она могла понять, о чем идет речь?

Ну и черт с ним... Лаки была слишком занята, чтобы ломать голову из-за чьих-то глупых шуток. Бросив на открытку еще один быстрый взгляд, она швырнула ее в корзину для мусора и тотчас о ней забыла.

Лаки Сантанджело была чертовски соблазнительной женщиной с черными, как ночь, глазами, полными чувственными губами, копной длинных черных волос, смуглой кожей и гибким молодым телом. Где бы она ни появлялась, присутствующие — особенно мужчины — замирали, как громом пораженные, ибо Лаки была не

только поразительно красива. От нее так и веяло энергией, с которой просто нельзя было не считаться, как нельзя не считаться со стихией, со сметающим все на своем пути ураганом. Проницательный ум, жизненный опыт, интуиция — все это у Лаки было в избытке, и это еще далеко не все.

В прошлом Лаки строила отели в Лас-Вегасе, владела в высшей степени успешной киностудией «Пантера филмз» и трижды выходила замуж. Детей у нее тоже было трое. Старшему Бобби уже исполнилось двадцать три; он был весьма хорош собой и обладал даром красноречия — во всяком случае, уговорить он мог кого угодно и на что угодно.

Макс — упрямой, взбалмошной дочери Лаки — было шестнадцать. При рождении ее назвали Марией, в честь матери Лаки, но в нежном девятилетнем возрасте девочка настояла, чтобы ее называли Макс — и никак иначе. И окружающим оставалось только подчиниться.

Самым младшим из детей Лаки был пятнадцатилетний Джино, названный так в честь деда, чье имя когда-то было широко известно — в определенных кругах. Джино-старший собирался в самое ближайшее время отметить свое девяностопятилетие, однако он по-прежнему был крепок телом и духом и по-прежнему души не чаял в своей красавице дочери. Лаки платила ему тем же. Схожесть характеров — решительных, независимых — и лежала в основе их глубокой духовной близости, и горе тому, кто попытался бы встать между ними!

Лаки приходилась также крестной матерью племяннице Бобби по отцовской линии — Бриджит Станислопулос, богатой наследнице, происходившей из семьи крупных греческих судовладельцев. Натуральная блондинка с безупречной фигурой, она сделала головокружительную карьеру в качестве модели, однако ее жизнь была отнюдь не безоблачной. В юности Бриджит совершила немало глупостей, однако сейчас она, кажется, взяла себя в руки. Лаки, во всяком случае, на это надеялась, ибо способность крестницы попадать в неприятные и даже опасные ситуации заставила ее в свое время изрядно поволноваться. Лишь оказавшись на волосок от смерти, Бриджит поняла, что большие деньги и сногшибательная внешность не гарантируют счастья. Лаки эту прописную истину усвоила давно, ибо ее собственное прошлое тоже

было достаточно бурным. Ее мать была убита, когда Лаки едва исполнилось пять. Следующим погиб старший брат Лаки Дарио — его застрелили и на полном ходу выбросили из мчащейся машины. Еще какое-то время спустя на автостоянке принадлежащего ей отеля в Лас-Вегасе наемный убийца застрелил Марко — человека, которого Лаки любила и за которого собиралась замуж.

Какое-то время спустя Лаки все же удалось узнать, что за всеми тремя убийствами стоял ее крестный отец Энцо Боннатти. Источники, из которых она почерпнула эту информацию, были в высшей степени надежны, но Лаки не сразу поверила в то, что человек, которого она любила и уважала, мог спланировать и оплатить смерть ее близких. Однако поверить пришлось, и Лаки от растерянности перешла к решительным действиям. О, она была не из тех женщин, с которыми можно было не считаться! Исполнившись жажды мести, Лаки приготовила ловушку, в которую и попыталась заманить Энцо. А когда он клюнул, она своими руками застрелила крестного у него дома из его же пистолета, заявив, что он пытался ее изнасиловать. Никаких последствий не было — суд решил, что имела место чистой воды самооборона.

Самооборона?

Как бы не так!

Лаки с самого начала построила свой план таким образом, чтобы все улики указывали на Боннатти — будто он попытался совершить насилие и был убит. Даже окружной прокурор поверил в эту версию, правда, не без помощи Джино, у которого везде имелись могущественные друзья.

На самом деле Лаки просто пристрелила ублюдка, как бешеную собаку. Энцо Боннатти заслуживал смерти, и она никогда не жалела о том, что сделала. Справедливость восторжествовала — справедливость, как ее понимали в ее семье.

«Не связывайтесь с Сантанджело!» — таков был девиз этой семьи. И Лаки подтверждала его справедливость.

Много воды утекло с тех пор. Лаки дважды побывала замужем, пока не вышла за Ленни Голдена — главного мужчину своей жизни.

При мысли о своем теперешнем муже Лаки не сдержала улыбки. Высокий, худой, с вечно взлохмаченными светло-русыми волосами и зелеными, как океанская волна, глазами, Ленни был наделен своеобразным чувством юмора. Должно быть, это качество

воспитала в нем жизнь, бывшая довольно непростой. Свою карьеру Ленни начинал «столбом»-дублером¹, однако по прошествии определенного времени стал сниматься и в главных ролях, превратившись в настоящую кинозвезду. Недавно он решил, что его место — по другую сторону съемочной камеры и, прервав актерскую карьеру, стал писать сценарии и снимать собственные, правда — малобюджетные, фильмы, однако и в этой области Ленни обнаружил недюжинный талант. Кроме того, Ленни был непревзойденным любовником и превосходным отцом, но главное — с ним никогда не было скучно. Порывистый, импульсивный, он был абсолютно непредсказуем, и это нравилось Лаки едва ли не больше всего. А еще он был единственным человеком, который понимал Лаки полностью и до конца. Ни о каком другом человеке она не могла сказать ничего подобного.

За годы, прожитые вместе, они пережили немало неприятностей и критических ситуаций — включая разбойное нападение, похищение Ленни и рождение его внебрачного сына, которого Лаки официально усыновила. Несмотря на все трудности, их брак не распался и даже стал крепче, хотя для других пар достаточно было бы и одной десятой доли того, что выпало на долю четы Сантанджело-Голден.

Сладко потянувшись, Лаки взяла с туалетного столика свою сумочку. Туалетный столик с тремя зеркалами и позолоченной резьбой был очень дорогим и стоял в гардеробной огромного особняка в лос-анджелесском районе Бель-Эйр, где жили знаменитости и крупные воротилы. Впрочем, особняк этот не принадлежал Лаки (на ее вкус он был непомерно большим и чересчур роскошным); они с Ленни сняли его всего на несколько месяцев, пока не будет закончен ремонт их поврежденной недавними ураганами виллы в Малибу, и сейчас она с нетерпением ждала, когда же можно будет вернуться в привычную обстановку. Роскошью Лаки никогда не увлекалась — это было не в ее стиле. Кроме того, расположенный на склоне холма Бель-Эйр с его извилистыми улочками, спрятанными за высокими железными воротами особняками и непроходимыми живыми изгородями напоминал ей ост-

---

¹ Дублер, или «столб» — актер, заменяющий исполнителя роли во время настройки освещения и подготовки камер. (Здесь и далее — прим. пер.)

ров в океане, отрезанный от бурной повседневной жизни. Те, кто селился здесь, жили словно в осаде под охраной многочисленных секьюрити, сторожевых псов и компьютерных систем, но Лаки это не устраивало — она любила чувствовать себя свободной и независимой. Должно быть, именно поэтому несколько лет назад она решила оставить руководство принадлежавшей ей киностудией «Пантера».

Как и многие другие деловые предприятия Лаки, студия оказалась в высшей степени успешной и приносила неплохой доход, однако она отнимала у владелицы слишком много времени. Частенько Лаки работала по семнадцать-восемнадцать часов в сутки, а для семьи и друзей (и, самое главное, для Ленни) времени у нее не оставалось. И вот однажды, проснувшись рано утром, Лаки решила, что с нее хватит. Ей до смерти надоело иметь дело с капризными кинозвездами, дрожащими за свое место исполнительными продюсерами, сладкоречивыми агентами, невротичными режиссерами и прочими личностями, имевшими хоть какое-то отношение к киноиндустрии, а таких в Лос-Анджелесе было большинство. Сложив с себя руководство студией, Лаки выпустила только еще одну картину. Это было шумевшее «Искушение», главные роли в котором исполнили блистательная Винас и молодой, талантливый актер Билли Мелина, признанный впоследствии «открытием года». После этого Лаки продала студию и впредь зареклась иметь какое-либо отношение к кинобизнесу.

Достаточно было того, что Ленни продолжал работать в этой области.

Кроме того, у Лаки имелись другие планы. Поразмыслив, она решила вернуться в гостиничный бизнес и построить в Лас-Вегасе, где когда-то начиналась ее карьера, великолепный отель, равного которому еще не было. Несколько лет назад Лаки удалось объединить нескольких крупных вкладчиков и создать синдикат, способный финансировать строительство современного гостиничного комплекса сметной стоимостью в несколько миллиардов долларов. В числе вкладчиков оказались знаменитый киноактер Чарли Доллар, не менее известный режиссер Алекс Вудс и ее собственный отец Джино, который, впрочем, предпочел оставаться негласным членом синдиката, поручив управление своей долей дочери. Собранных средств оказалось вполне достаточно для осу-

ществления заветной мечты Лаки, а мечтала она об уникальном, единственном в своем роде высококлассном отеле с эксклюзивным казино для любителей сыграть по-крупному, изысканными номерами, роскошным фитнес-центром, ресторанами высшей категории, полем для гольфа, несколькими магазинами и лучшим в городе клубом. Пять лет Лаки работала в постоянном контакте с архитекторами, планировщиками и подрядчиками, и вот теперь до открытия великолепного отеля (а это событие предполагалось отпраздновать с подобающей помпой) оставалось меньше месяца. «Ключи» были ее любимым детищем, и Лаки не могла не волноваться, хотя и не предвидела никаких осложнений.

— Мама!.. — Макс ворвалась в гардеробную, как всегда, не постучавшись. Большие глаза глубокого зеленого цвета шестнадцатилетняя дочь Лаки унаследовала от Ленни; во всем остальном Макс была точной копией матери — у нее были те же непокорные черные волосы, та же умопомрачительно стройная фигура и гладкая, смуглая кожа оливкового оттенка. Высокая, порывистая, словно жеребенок, она держалась на редкость независимо, неизменно привлекая к себе внимание окружающих. Независимым был и ее характер; заставить ее сделать что-то, что было ей не по нраву, было практически невозможно, а уроки в школе Макс прогуливала с завидной регулярностью.

— Знаешь, что, мама?!.. — воскликнула Макс, поднимаясь от возбуждения на цыпочки и слегка пританцовывая. — Я не смогу пойти на дедушкин день рождения!

— Что-что? — переспросила Лаки, изо всех сил стараясь оставаться спокойной.

— Понимаешь, одна из подруг Куки устраивает вечеринку в Биг-Беар, и я обязательно должна там быть! — выпалила Макс на одном дыхании. — Все девочки тоже пойдут. Я просто не могу подвести Куки, понимаешь?!

— Значит, ты не можешь подвести Куки? — холодно уточнила Лаки.

— Никак не могу, мам!.. — ответила Макс, дергая упавшую на лицо прядь. — Куки — моя лучшая подруга, и это ужасно важно!

Каждый раз, когда Макс что-нибудь хотелось, это было «ужасно важно». «Ужасно важно» было получить на шестнадцатилетие спортивный «БМВ», «ужасно важно» было поехать в Майами, чтобы прожить несколько дней в доме подруги, «ужасно важно» было побывать на съемочной площадке фильма с участием Леонардо Ди Каприо и так далее. Во всех предыдущих случаях Лаки пошла навстречу дочери, но эту последнюю просьбу она исполнить не могла.

— Прости, детка, — ответила она, качая головой, — но ничего не выйдет.

— Что — не выйдет? Почему?! — изумилась Макс.

— Ты должна пойти на день рождения Джино. Это не обсуждается.

Макс метнула на мать быстрый взгляд исподлобья:

— Ты это... серьезно?

— Еще как, — откликнулась Лаки и, поднявшись, направилась к двери.

— Какая же ты все-таки злая!.. — пожаловалась Макс, следуя за матерью.

— Злая?.. — Лаки вздохнула. Вся сцена что-то ей живо напоминала. Ну конечно!.. Сколько раз она сама точно так же спорила с отцом, а поскольку оба были достаточно темпераментны и упрямы, их столкновения проходили достаточно бурно.

— Ну почему я обязательно должна присутствовать на этом дурацком дне рождения? — с вызовом спросила Макс. — Да Джино даже не заметит, что меня нет!

— Разумеется, он заметит, — ответила Лаки, спускаясь по лестнице на первый этаж. — Твой дед замечает буквально все.

— А вот и не заметит, — проворчала Макс, следуя за ней по пятам.

— Ты его единственная внучка, — заметила Лаки.

— Да? А как же Кариока?

— Ну, — проговорила Лаки, думая о дочери своего сводного брата Стивена. — Кариока — это не ты.

— Почему? — напрямую спросила Макс. — Потому что она *герная*?

— Ради бога, Макс!.. — воскликнула Лаки. — Как ты можешь говорить такие ужасные вещи?!

И, обернувшись через плечо, она бросила на дочь гневный взгляд: — Знаешь, Макс, по-моему, сейчас тебе лучше замолчать, пока я не рассердилась по-настоящему.

— Но...

— Нет, — отрезала Лаки, выходя на улицу. — Это решено, и я не желаю больше ничего слушать.

С этими словами она села в свой красный «Феррари» и рванула с места.

— Черт!.. — крикнула Макс, когда машина Лаки исчезла за поворотом подъездной дорожки. — Хотела бы я, чтобы ты не была моей матерью! С тобой просто невозможно иметь дело!

— Ты что-то сказала? — спросил Джино-младший, который как раз появился из-за угла дома, он возвращался с теннисного корта. Джино недавно исполнилось пятнадцать, но он был уже выше шести футов и сложен, как профессиональный футболист.

— Мама вбила себе в голову, что я обязательно должна присутствовать на этом дурацком дне рождения, — пожаловалась Макс. — Какая глупость!

— А почему ты не хочешь идти к деду?

— Потому что у меня есть дела поинтереснее, — сердито откликнулась Макс.

— Какие же?

— Тебя это не касается!

Джино-младший шутливо погрозил сестре пальцем и прошел в дом, сопровождаемый двумя приятелями, которые не могли оторвать от Макс восхищенных взглядов.

— Озабоченные маленькие ублюдки, — проворчала под нос Макс. — Глаза сломаете. Идите лучше подрочите в кустах.

Включив на полную мощность CD-проигрыватель, Лаки умело вела машину, лавируя в плотном потоке автомобилей. Немного успокоившись, она подумала, что ей, пожалуй, не следовало слишком сердиться на несдержанность дочери — похоже, упрямство было у нее в генах. Разумеется, Макс была не только ее дочерью, но и дочерью Ленни, однако кровь Сантанджело явно брала верх. Впрочем, именно по этой причине Лаки не могла допус-

тить, чтобы Макс не пошла на девяностопятилетие Джино ради каких-то подруг из Биг-Бер — лыжного курорта, расположенного в двух часах езды от Лос-Анджелеса. Кроме того, Макс терпеть не могла кататься на лыжах; один раз она попробовала, и ей не понравилось, следовательно, в Биг-Бер ее влекло что-то другое.

Что?

Разумеется, мальчики, что же еще?! Какой-нибудь озабоченный прыщавый подросток с постоянной эрекцией и похотливым, ощущающим взглядом...

Лаки покачала головой. В последнее время Макс сделалась совершенно неуправляемой. Она затевала споры и раздражалась по самому ничтожному поводу, и иметь с ней дело было абсолютно невозможно. Едва ли не единственным, кто по-прежнему относился к ней снисходительно, был Ленни. Он умудрялся не замечать вызывающего тона и наглого поведения дочери; когда же Лаки предлагала ему обсудить, что же делать с Макс, он только пожимал плечами и говорил: «Вспомни, какой ты была в ее годы, милая. Теперь все это возвращается к тебе же. Ничего не попишешь, закон кармы...»

Лаки вздохнула. Нелегко быть матерью, особенно если чувствуешь себя ненамного старше своего собственного ребенка.

Крашенная блондинка с неестественно молодым лицом за рулем новенького «Мерседеса» подрезала ее справа, и Лаки вынуждена была резко нажать на тормоза.

— Черт тебя возьми! — завопила она. — Ездить научись, уродина!

Блондинка, разумеется, не услышала, но подобная разрядка Лаки была необходима — она помогала ей выпустить пар. Лаки частенько «спускала собак» на мешавших ей водителей. Если с ней был Ленни, он сердился и говорил: «Когда-нибудь тебя просто застрелят, дорогая, вот увидишь!»

«Пусть попробуют!» — огрызалась она. В ответ Ленни только вздыхал и качал головой. Он знал, что укротить Лаки Сантандже-ло не может никто. Она всегда шла своим собственным путем, и именно за это он ее так любил.

3

У Энтони Бонара, в свое время носившего имя Антонио Боннатти, было все. Прекрасная вилла в двадцати пяти минутах езды от Мехико-Сити, двойной пентхаус в Нью-Йорке, загородный летний дом на побережье в Акапулько и огромное поместье на побережье в Майами. Еще у него была жена Ирма, с которой он прожил пятнадцать лет, двое детей, две любовницы, собственный самолет и весьма прибыльный, хотя и незаконный, бизнес. Когда его спрашивали, чем же он занимается (а задавать подобные вопросы осмеливались немногие), Энтони обычно отвечал, что занимается экспортно-импортными операциями. И это было правдой, потому что он торговал наркотиками, которые так или иначе действительно пересекали границы многих стран.

Миа — так звали мать Антонио — была итальянкой. Она работала горничной в дорогом отеле в Неаполе. В этом отеле всегда останавливалось, приезжая на отдых в Италию, семейство Энцо Боннатти. В то время сын Энцо Сантино Боннатти был всего лишь сексуально озабоченным подростком. Однажды теплой летней ночью он пригласил двадцатидвухлетнюю горничную прогуляться на берег моря и овладел ею прямо на пляже.

Когда Боннатти после отдыха вернулись в Америку, Миа еще не подозревала, что беременна. Когда же она об этом узнала, ей не хватило мужества, чтобы связаться с родителями Сантино, хотя их адрес и имелся в книге регистрации отеля. Родился Антонио и первые двенадцать лет своей жизни прожил с матерью в Неаполе. Лишь двенадцать лет спустя, когда врачи обнаружили у его матери редкое заболевание сердца и объявили, что жить ей осталось всего несколько месяцев, Миа отважилась позвонить могущественным Боннатти, ибо никого из ее родных к тому времени не было в живых.

Несколько недель спустя в Неаполь прилетела грозная Франческа Боннатти, мать Сантино, пожелавшая проверить историю горничной. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять — Миа говорит чистую правду, ибо Антонио с его большими карими глазами и самоуверенным выражением лица не напоминал ни Сантино, ни свою мать, зато он как две капли воды походил на саму Франческу — с поправкой на мужской пол.

Никаких сомнений у Франчески не оставалось: юный Антонио действительно был ее внуком.

Когда Миа умерла, Франческа вернулась в Италию, чтобы забрать своего незаконнорожденного внука в Штаты. Там она отвезла его на Лонг-Айленд, в дом Сантино, который к этому времени обзавелся собственной семьей и детьми. Как и следовало ожидать, супруга Сантино Донателла закатила мужу скандал. Сантино все отрицал, делая вид, будто ничего не знает и не понимает, и выражал сомнение, что Антонио действительно его сын.

Семейные разборки продолжались почти сутки. Потом на Лонг-Айленде снова появилась Франческа, которая и увезла мальчугана к себе. Так Антонио и стал жить с ней и с Энцо Боннатти — и прекрасно себя чувствовал. Он оказался на удивление смышленным и способным и довольно скоро научился говорить по-английски без малейшего акцента. Миа много работала, и у нее не было времени воспитывать сына. Он рос на улицах Неаполя, водился с компанией таких же сорванцов, как и он сам, и прекрасно усвоил науку выживания. Умом и сообразительностью природа его не обделила, в людях он разбираться умел, поэтому легко поладил со своим крутым дедом. Энцо, со своей стороны, тоже привязался к напористому, нагло-энергичному парню и вскоре начал посвящать его в тайны семейного бизнеса, чем вызвал немалое неудовольствие Сантино.

Несмотря на молодость, Энтони — к этому времени он уже привык называть себя на американский манер — быстро учился, легко усваивая информацию, которой делился с ним дед. Школа и школьные предметы его интересовали мало, зато все, что имело отношение к торговле наркотиками, он впитывал жадно, как губка.

Прошло совсем немного времени, и Энцо начал брать Энтони с собой в деловые поездки в Колумбию и Мехико-Сити, с гордостью представляя любимого внука партнерам по незаконному бизнесу. Сантино, крайне недовольный привязанностью, которую Энцо питал к его так называемому сыну, перевел свой бизнес — порнографические фильмы и журналы — в Калифорнию, но старик и ухом не повел. Сантино его разочаровал — не такого сына он мечтал иметь. Франческа была с ним единомышленна — она давно махнула рукой на сына, который оказался растленным лжецом, обремененным к тому же пустоголовой женой-скандалисткой и

кучей постоянно ноющих детишек, ни один из которых не был достоин носить фамилию Боннатти.

Когда Энцо погиб, именно шестнадцатилетний Энтони сделался опорой Франчески. Правда, Сантино и его брат Карло все же приехали на похороны отца, однако сразу после этого оба вернулись к своим делам, даже не подумав о матери.

«К дьяволу Сантино! — подумал тогда Энтони. — К черту его жирную жену и глупых детей!» Сам он не имел ни малейшего желания иметь с ними дело, как и они не хотели общаться с ним.

После смерти Энцо один из его доверенных людей занялся дальнейшим обучением Энтони. Франческа твердо решила, что внук должен возглавить семейный бизнес, и не раз советовала ему использовать знания, которые он успел получить от деда. И Энтони ее не подвел.

Спустя шесть лет Сантино погиб. Получив это известие, Энтони не испытал никаких чувств. Да и с чего бы ему было сожалеть о смерти своего биологического отца? Сантино так и не признал сына; все это время он вел себя так, словно никакого Антонио-Энтони не существовало на свете, поэтому неудивительно, что и самому Энтони было наплевать на отца. Кроме всего прочего, Сантино Боннатти был застрелен, когда покушался на растление двух несовершеннолетних детей. Ну и идиот!.. Вдвойне идиот, если учесть, что одним из приглянувшихся ему малышей был пятилетний Бобби Станислопулос — сын Лаки Сантанджелло.

Как и следовало ожидать, Лаки отомстила. Энтони прекрасно ее понимал и не осуждал. Ну, *погги* не осуждал...

К двадцати двум годам Энтони прочно утвердился в бизнесе, став заметной величиной в торговле наркотиками. Он сумел наладить прочные деловые контакты с крупнейшими наркобаронами Колумбии, Боливии и Мехико-Сити, которые считали его одним из самых надежных покупателей на территории Соединенных Штатов. И Энтони действительно раз за разом доказывал, что является хитрым и дальновидным дельцом, прекрасно знающим особенности своего опасного ремесла.

Энтони обожал власть и деньги, довольно рано поняв, сколь неотразимо эти две вещи действуют на женщин. Мрачно-задумчивый вид и властная немногословность делали его достаточно привлекательным. К несчастью, роста в нем было всего пять

футов и семь дюймов — гораздо меньше, чем ему хотелось, и это серьезно огорчало Энтони. Впрочем, это не помешало ему переспать со множеством девиц из богатых семейств, не говоря уже о моделях и будущих актрисах, которых в Нью-Йорке и Майами всегда хватало.

Франческа гордилась успехами внука. Она, однако, считала, что подобный образ жизни не доведет до добра, поэтому в один прекрасный день она объявила Энтони, что ему пора остепениться, найти себе *порядочную* девушку, жениться и завести детей.

Против того, чтобы завести семью, Энтони не возражал, но остепениться?.. Это для стариков, считал он. Для тех, кому больше ничего не светит в жизни.

Но Франческа не отступала. После нескольких месяцев постоянных уговоров и увещеваний Энтони решил, что проще будет сделать, как она велит, и приступил к поискам. Довольно скоро на светской вечеринке в Майами он встретил подходящую девушку. Ей было семнадцать, и звали ее — Ирма. Энтони уже исполнилось двадцать четыре, и он чувствовал себя вполне готовым к семейной жизни.

Одного взгляда на ухоженную, милостивую блондинку-подростка ему оказалось достаточно, чтобы понять — эта подойдет. Его решимость еще больше окрепла, когда Ирма призналась, что она до сих пор девственница.

Представив Ирму Франческе и заручившись ее одобрением, Энтони вылетел в Омаху, чтобы переговорить с родителями своей избранницы — довольно наивной и провинциальной супружеской парой со Среднего Запада — и просить у них руки дочери. Родители Ирмы были в восторге. Никаких возражений с их стороны не последовало.

Сама Ирма тоже была счастлива. Она выходила замуж за богача. Сбылась ее вторая мечта (первая осуществилась, когда она завоевала титул «Мисс Омаха»).

Они обвенчались в католической церкви в Мехико-Сити, где Энтони вел переговоры о покупке большого поместья недалеко от города. Столица Мексики была самым удобным местом для бизнеса, ибо именно здесь обосновались его основные деловые партнеры.

Ирма в белоснежном кружевном платье выглядела чистой и не-

порочной, как и полагается настоящей невесте. Медовый месяц они провели в Европе, потом вернулись в Мексику, а вскоре после этого Ирма забеременела. Их сын Эдуардо родился за день до восемнадцатого дня рождения Ирмы. Еще год спустя она родила дочь Каролину.

Энтони и его бабка были удовлетворены. Очаровательная жена и двое детей — это ли не образцовая семья? Теперь, считал Энтони, Ирма может направить все свои силы и энергию на воспитание сына и дочери, а он будет заниматься бизнесом, ездить по всему миру и спать с кем сочтет нужным. Этому его тоже научила Франческа. Женщины, сказала она, когда впервые привезла внука в Америку, делятся на две категории: есть жены, матери, сестры и дочери, а есть — проститутки, шлюхи, путаны. Первые нужны для приличия, вторые — для удовольствия.

Ирма относилась теперь к категории жен и матерей, поэтому после рождения сына и дочери Энтони решил, что больше не будет с ней спать. Ему претило вонзаться членом в то место, откуда появились на свет его драгоценные Эдуардо и Каролина. Правда, Ирме подобное решение пришлось не по вкусу, но Энтони было наплевать. У него были заботы поважнее.

Несмотря на то что главная резиденция Энтони размещалась в Мехико-Сити, он проводил немало времени в Нью-Йорке и Майами. Не реже двух раз в год он ездил в Колумбию и Боливию. Торговля наркотиками уже принесла ему денег больше, чем Энтони рассчитывал, однако, несмотря на свое растущее богатство и неизменную удачу, он не мог в полную силу наслаждаться жизнью. Виновата была Франческа. Она хотела, чтобы именно он отомстил за смерть деда и своего дерьмового отца, и постоянно ему об этом напоминала.

«Что ты за мужчина?.. — сварливо бормотала старуха, когда Энтони меньше всего этого ожидал. — Твой дед Энцо — вот это был мужчина! Настоящий мужчина — решительный, смелый; он ничего не боялся. А ты, Энтони?! Надеюсь, ты все же станешь таким, как он! Долг чести есть долг чести, и закончить эту вендетту на *наших* условиях должен именно ты! Да, ты!..» Каждый раз, когда Франческа заговаривала о мести, ее темно-карие глаза вспыхивали каким-то странным злобным огнем, от которого даже Энтони становилось не по себе. «Нужно смыть позор с самого

имени Боннатти, — обычно добавляла она. — Да что я тебе объясняю, ты и сам знаешь, как все было!»

Да, Энтони знал, как все было, и хотя он официально переименовал фамилию на Бонар, по рождению он оставался Боннатти, о чем старая карга не упускала случая ему напомнить.

Пока Энтони рос, Франческа не раз пересказывала ему историю кровной вражды между Боннатти и Сантанджело. А история эта была довольно древней.

Если верить Франческе, Энцо Боннатти и Джино Сантанджело с раннего детства были близкими друзьями. Они вместе росли, потом вместе стали заниматься бизнесом, сумев за короткое время заработать немало денег. Дети иммигрантов, они умело использовали все возможности, какие только могла дать им жизнь в Америке, включая гангстерское ростовщичество, азартные игры и ограбление грузовиков, перевозящих нелегальное спиртное. На протяжении нескольких лет они работали вместе, но потом Энцо переключился на наркотики и проституцию — два вида преступного бизнеса, к которым Джино Сантанджело не хотел иметь никакого отношения.

«Должно быть, этот Джино был просто дураком! — не раз думал Энтони. — Только идиот мог отказаться от возможности заработать по-настоящему большие деньги!»

Как бы там ни было, Джино Сантанджело все же сумел преодолеть соблазн, ибо с Энцо он больше не работал. Вместо этого он начал строить в Вегасе отели, до некоторой степени легализовав свой бизнес, после чего отошел от дел, предоставив управление своими гостиницами дочери — Лаки Сантанджело.

Несмотря на то что Энцо и Джино расстались друзьями, несколько лет спустя они сделались злейшими врагами. И год от года вражда между двумя семействами становилась все глубже, все непримиримее.

В конце восьмидесятых вдова Сантино Донателла Боннатти снова выплыла на поверхность, правда, теперь у нее было другое имя, другое лицо и другой бизнес. Выйдя замуж за Джорджа Лэндсмана, финансового гения и бывшего бухгалтера Сантино,

она превратилась в респектабельную предпринимательницу Донну Лэндсмен. С помощью нового мужа и полученных по наследству средств она создала успешную рейдерскую компанию¹ и не замедлила устроить охоту на Лаки Сантанджело и принадлежащую ей студию «Пантера». К несчастью, ее попытка завладеть студией с треском провалилась, как провалилось устроенное ею же покушение на Джино Сантанджело. По некоторым сведениям, она заплатила наемным убийцам немалую сумму, однако старик оказался гораздо крепче, чем казалось. Он не только не погиб после двух огнестрельных ранений, но, напротив, довольно быстро оправился, чем привел Донну в неописуемую ярость.

Энтони эти попытки отомстить семейке Сантанджело показались попросту жалкими. И Франческа полностью с ним согласилась.

Спустя некоторое время в семье Донны произошла трагедия. Ее шестнадцатилетний сын Санто, приходившийся Энтони единокровным братом, неожиданно сошел с ума и застрелил из дробовика мать и отчима прежде, чем его загрызли насмерть их сторожевые собаки.

Прощай, Донателла.

Прощай, Джордж.

Прощай, недоумок Санто.

Впрочем, Энтони смерть этих троих тронула еще меньше, чем смерть отца. Франческа, похоже, тоже их не жалела. С Донателлой она всегда не ладила, Джорджа презирала, а Санто считала слабаком.

«Это ты должен отомстить Сантанджело и смыть позорное пятно с нашего имени, — внушала она внуку. — Это твое дело, твоя святая обязанность!»

Откровенно говоря, Энтони мало интересовался мстостью и кровной враждой. Вендетта, считал он, занятие для стариков, седых ветеранов из поколения его покойного деда. Но он хорошо знал Франческу и не сомневался — она не оставит его в покое до тех пор, пока он не сделает семейке Сантанджело какую-нибудь серьезную гадость. По большому счету Энтони и сам был не прочь им отомстить. В конце концов, Энцо застрелила не кто

---

¹ Рейдерская компания — фирма или организация, скупающая акции другой компании с целью приобрести контрольный пакет акций.

иная, как Лаки, и это сошло ей с рук. Больше того, она имела самое прямое отношение и к смерти Сантино, и к якобы случайному падению дяди Карло из окна пентхауса на девятнадцатом этаже.

Боннатти и Сантанджело.

Кто-то из них должен сойти со сцены и исчезнуть навсегда.

4

Знаменитый киноактер Билли Мелина был молодым загорелым мужчиной шести с лишним футов ростом, с выгоревшими на солнце светлыми волосами и тренированным телом, которое так и просилось на обложку каталога «Эберкромби и Фитч». Билли исполнилось двадцать восемь, и он пребывал в прекрасной физической форме. Четко очерченные, скульптурные мышцы его брюшного пресса так и играли каждый раз, когда стоявшая перед ним на коленях поклонница наклоняла голову, деловито работая губами и язычком.

— Соси! — скомандовал Билли, нажимая руками ей на затылок. — Глубже! Сильнее!

Девушка и так старалась изо всех сил. Даже на шее у нее выступили крошечные бисеринки испарины. Чего же еще ему нужно?

— А-а-ах! — протяжно выкрикнул Билли. — Вот так, вот так! Я кончаю, кончаю!..

Девушка попыталась отстраниться.

— Нет, нет! — закричал Билли и сильнее надавил ей на затылок. — Глотай! Ну!.. — Он снова застонал, потом произнес невнятной скороговоркой: — Давай, крошка, давай! Вот так! О-о-о!..

Потом на несколько мгновений наступила тишина. Девушка как будто решала, может ли она отпустить Билли или он захочет продолжения.

Билли первым пришел в себя. Резко отстранившись, он натянул узкие белые джинсы «Кляйн» и застегнул «молнию».

Вся сцена происходила в доме Билли на Голливудских холмах — в том самом доме, в котором, как уверял риелтор, когда-то жил Чарли Шин. В доме, который обошелся Билли в три миллиона.

Кто бы мог подумать, что когда-нибудь он сможет позволить себе столь дорогую покупку?

Во всяком случае, не его престарелый отец. Когда восемь лет

назад Билли заявил, что едет в Голливуд, чтобы стать знаменитым актером, Эдди Мелина только рассмеялся ему в лицо.

И не его мачеха, старая пьянчужка Милли. «Скатертью дорожка, Билли-бой, — сказала она ему на прощанье. — Катись, да подольше не возвращайся!»

Но он все-таки сумел показать всем, на что способен. Показать и доказать. Теперь он был не просто Билли, а Билли Мелина, настоящая кинозвезда в расцвете сил и таланта. Да, черт побери, звезда и исполнитель главных ролей! Всего за несколько лет ему удалось попасть в неофициальный список молодых актеров, чье участие в съемках гарантировало успех даже самому бездарному фильму. Ди Каприо, Брэд Питт, Джонни Депп — он был ничуть не хуже их. Кроме того, тот же Питт был уже немолод, а Билли с каждым годом становился все популярнее и востребованнее.

Как вам это, старикашка Эд и проспиртованная кочерыжка Милли?

Девушка, одетая в обрезанные джинсовые шорты и крошечный желтый топик, поднялась с колен.

— Ну как? — спросила она безучастно, словно официантка, подавшая в забегаловке холодный омлет.

— Превосходно, — отозвался Билли, прикидывая, как бы побыстрее от нее отделаться.

Он подцепил ее несколько часов назад в «Гауэр рекордз» на Сансете. Заметив Билли, девушка бросилась к нему навстречу и попросила автограф. Он сразу обратил внимание на острые, напряженные соски, натягивавшие эластичную ткань крошечного топика, и почувствовал легкий приступ желания. Потом он бросил взгляд на ее ноги — длинные, стройные, покрытые ровным загаром. В последнюю очередь Билли взглянул на лицо. Миловидное, хотя ничего примечательного. К этому моменту он, однако, уже изрядно возбудился. На съемочную площадку его должны были вызвать не раньше трех часов, поэтому Билли без колебаний пригласил девушку к себе перекусить. О том, что в меню входит минет, не было сказано ни слова, но это подразумевалось, и оба прекрасно это знали.

Девушка была вне себя от восторга. У нее был побитый, старенький пикап с разбитым задним габаритом, живо напомнивший Билли древнюю развалюху, на которой он сам восемь лет назад

приехал в Голливуд, имея в кармане двести долларов и никаких перспектив. Следуя за принадлежащим Билли изящным «Мазерати» ей пришлось очень постараться, чтобы не отстать и не потерять его на узких извилистых улочках, но она справилась. Все дальнейшее произошло в полном соответствии с планом и к обоюдному удовлетворению. Во всяком случае, так казалось Билли. Он еще даже не начал подозревать, какое продолжение будет иметь история с девицей.

— Послушай, — сказал он, пока они стояли возле бассейна, — хочешь, я подарю тебе подписанную фотографию, чтобы ты могла рассказать о нашей встрече подругам?

— Это было бы просто отлично, — ответила девица, разыгравая смущение. Можно было подумать — это не она пару минут назад взяла у него в рот.

— О'кей, тогда подожди меня здесь, — строго сказал Билли. — Я сейчас вернусь.

Когда Билли только приехал в Голливуд, он называл всех женщин «мэм», старался держаться с ними уважительно и не забывать о хороших манерах. Став звездой, он избавился от этой провинциальной привычки, хотя что-то рыцарское в его манерах еще оставалось.

Бросившись в дом, Билли закрыл за собой прозрачную сдвижную дверь. Он чувствовал себя немного виноватым из-за того, что произошло, потому что у него была постоянная подруга — роскошная женщина, известная певица и кинозвезда, которая, правда, была старше его на тринадцать лет. Билли был уверен, что она не на шутку рассердится, если узнает, что он изменил ей с поклонницей. Но с другой стороны, утешал он себя, разве минет — измена? Сам президент Клинтон объявил на всю страну по национальному телевидению, что минет — это вообще не секс. Какие еще после этого могут быть вопросы?

Рамона — его горничная-испанка — что-то напевала на кухне на своем языке. Несомненно, она понятия не имела о том, что произошло возле бассейна. Что касалось Кевина, секретаря и старинного приятеля Билли еще со школьных времен, то он еще утром уехал по каким-то делам. Впрочем, скорее всего, Кев просто завис в каком-нибудь баре, чтобы склеить девчонку. Мисс Разбитая-Задняя-Габаритка могла бы ему понравиться, но, увы, сегодня они не встретились.

Юркнув в кабинет, Билли принялся копаться в громоздившемся на кофейном столике мусоре и довольно быстро обнаружил среди неоплаченных счетов, откровенных писем от поклонниц, засаленных автомобильных журналов, пустых конфетных коробок и недокуренных сигарет с травкой пачку рекламных снимков размером восемь на десять дюймов. Схватив фломастер, он быстро расписался на снимке и почти бегом вернулся к бассейну, собираясь как можно скорее отправить гостью восвояси.

Пока он отсутствовал, девица успела скинуть шорты и топик, и теперь плавала в его бассейне нагишом.

«Вот черт! — подумал Билли. — Что теперь делать-то?»

— Эй!.. — крикнул он, прикусывая ноготь на указательном пальце.

— Я подумала — ты не будешь против! — беспечно откликнулась девица.

«Еще как буду...» — Билли мрачно покачал головой.

— Вообще-то, конечно... — пробормотал он, продолжая кусать палец. — Просто мне пора уезжать, так что чем скорее ты вылезешь, тем лучше.

— А может, лучше ты залезешь ко мне? — предложила девица, нагля с каждой минутой. — Уверю тебя — ты не разочаруешься, к тому же вода очень теплая.

С этими словами она перевернулась на спину и распласталась на поверхности. Ее груди с острыми сосками торчали над водой, как два холмика, и выглядели очень соблазнительно.

Билли несколько мгновений разглядывал этот сочный плод, который, казалось, только и ждал, чтобы его сорвали. У мисс Разбитой-Задней-Габаритки были длинные, стройные ноги и плоский, подтянутый живот, завершавшийся внизу целым кустом густых лобковых волос, что показалось Билли на редкость сексуальным — в Голливуде большинство женщин лобковые волосы сбривали.

Разглядывая девушку, Билли почувствовал, как в нем снова нарастает возбуждение, хотя только недавно он пережил глубокую разрядку.

«Какого черта, — решил он наконец. — Трахну ее в бассейне, а потом спроважу, пока она не опомнилась».

В конце концов, что Винес не знает, того она и не узнает...

— Где этот гребаный Билли Мелина? — требовательно спросил Алекс Вудс у своей ассистентки Мэгги — высокой индейки с прямыми черными волосами, собранными на затылке в «конский хвост», и резкими, почти мужскими чертами лица. Алекс и Мэгги находились на опушке небольшого леса в нескольких милях от Лос-Анджелеса, где снимался новый фильм с рабочим названием «Убей!» — крутой триллер, в котором Билли исполнял главную роль.

Мэгги сразу почувствовала, что еще немного — и Алекс взорвется по-настоящему. Как режиссер он был невероятно талантлив, что подтверждали, в частности, полученные им «Оскар»ы, но иметь с ним дело было нелегко. Когда ему что-то не нравилось, всем, кто с ним работал, приходилось держаться настороже, ибо взрыв мог последовать буквально из-за пустяка. Тогда доставалось всем, не исключая и самой Мэгги. Получив ни за что ни про что очередной нагоняй, она часто спрашивала себя, как удастся ладить с Алексом его любовнице Линг — адвокатессе китайского происхождения.

— Билли в пути, — спокойно сказала Мэгги, пытаясь предотвратить возможный скандал.

— Ах, Мистер Суперзвезда в пути?.. — переспросил Алекс самым саркастическим тоном, поворачиваясь к ней всем корпусом. — Между прочим, по расписанию он должен быть на площадке в три, а сейчас уже без четверти четыре!

— Я знаю, — кивнула Мэгги с самым невозмутимым видом.

— Так позвони его водителю и скажи, чтобы пошевеливался!

— Билли отказался от услуг водителя, — сообщила Мэгги. — Он сказал, что любит сам сидеть за рулем.

— Это еще что за новости?! — завопил Алекс, теряя последние крохи самообладания. — Меня не колышет, что он там любит! По условиям страховки это запрещено — и точка! Ты слышишь меня, Мэгги?! Представитель страховой компании запретил Билли садиться за руль во время съемок, и тебе должно быть это известно!

— Известно, — негромко ответила Мэгги. Она работала с Алексом уже много лет и прекрасно знала, что оправдываться и

противоречить бесполезно — это могло привести только к очередному скандалу.

— Значит, тебе известно?! — повторил Алекс с угрозой. — Так почему тогда ты ничего не сделала?

Мэгги пожала плечами.

— Дерьмо! — выругался Алекс. — Проклятые актеришки! Их всех давно пора вышвырнуть к чертовой матери!

— Как-как вы сказали?

— К чертовой матери! Вот погоди, этот Мелина наверняка кончит совсем как Том Круз...

— Не волнуйся так, Алекс. Вот он уже едет...

И действительно, как раз в этот момент на дороге появился «Харлей электра глайд» — подлинный, хотя и отреставрированный экземпляр, верхом на котором величественно восседал Билли Мелина собственной персоной, до бровей затянутый в черную кожу.

Не успел Билли соскочить с седла, как Алекс уже двинулся ему навстречу.

— Ты опоздал! — грозно взревел он.

— Ничего не смог поделаться — на дорогах пробки, — возразил Билли довольно самоуверенным тоном. Алекса он не боялся, зная, что тот не сможет уволить его ни при каких обстоятельствах.

— Это непрофессионально, — проворчал режиссер.

— Я же сказал — я ни в чем не виноват, — отозвался Билли, снимая шлем.

— Ну, разумеется — не виноват, — издевательски протянул Алекс. — Билли у нас никогда ни в чем не виноват, правда? Он же звезда!

Мэгги поспешила разрядить ситуацию.

— Идем со мной, Билли, — сказала она, вставая между двумя мужчинами. — Тебя давно ждут в гримерке.

— Привет, Мэгс! — кивнул ей Билли, машинально включая на полную катушку свое профессиональное обаяние. — Прекрасно выглядишь. Как ты посмотришь, если мы с тобой...

— Ну-ка, живо в гримерную! — оборвал его Алекс. — Шевели задницей!

— Не переживай, старик! — ухмыльнулся Билли. — Уже иду.

Алекс круто развернулся и затопал к своей съемочной бригаде,

которая расположилась на противоположной стороне дороги. Старик? Этот придурок называл его «стариком»?! Верно говорят — нет ничего хуже, чем дешевый актеришка, сделавший пару кассовых лент и вообразивший себя вторым Стивом Маккуином.

К дьяволу этих бездарей! И к дьяволу Билли Мелину!

За свою жизнь Алекс повидал немало так называемых звезд, видел их взлеты и падения. В свои пятьдесят восемь он был опытным продюсером, сценаристом и режиссером, участником множества «локальных голливудских войн», и прекрасно знал правила игры. Обман, мошенничество, предательство — ничто из этого «малого джентльменского набора» уже не могло его удивить. Пожалуй, единственным директором киностудии, с которым Алекс работал с удовольствием, была Лаки Сантанджело. С самого начала между ними установились доверительные отношения, выходящие за рамки чистого бизнеса, и хотя Алекс всегда предпочитал азиатских женщин, в Лаки было что-то такое, что влекло его с невероятной силой. К несчастью, Лаки была замужем и, что еще хуже, любила своего супруга, хотя однажды обстоятельства сложились так, что она и Алекс все же оказались в одной постели. Всего одну ночь безумного секса подарила им судьба. Всего одну ночь они провели вместе в придорожном мотеле, но Алекс до сих пор помнил каждый час ее во всех подробностях и знал, что никогда этого не забудет.

Просто не сможет.

В тот раз Лаки была с ним только потому, что думала — Ленни, ее драгоценный Ленни убит. Но он чудом спасся, и с тех пор, встречаясь с Алексом, она никогда не упоминала о ночи, которую они провели вдвоем. Режиссер знал — Лаки старается убедить себя, будто между ними ничего не было. И он отлично понимал ее чувства, но не мог ничего с собой поделать. Алекс знал это твердо — он всегда будет любить эту женщину, что бы ни происходило в его собственной жизни.

Внешне, впрочем, они оставались друзьями. Еще в те времена, когда Лаки владела студией «Пантера», они сняли превосходный фильм, принесший большую прибыль, а сейчас Алекс вкладывал деньги в новый отель, который Лаки строила в Vegasе.

Пока он размышлял обо всем этом, вернулась Мэгги, отводившая Билли в трейлер-гримерную.